

Предпочитаю театр не в лифте

Театральная ситуация поменялась. Были люди, которые чувствовали себя очень хорошо, выполняли план по советским пьесам, и делали это не слишком противно, а иногда даже талантливо. Но настали другие времена, поменялись запросы, информационный поток, в котором мы растворились. Я говорю сегодня артистам, что есть множество среднестатистических наработанных ситуаций — как сыграть ту или иную сцену, рассказать ту или иную историю. Заинтересовать зрителя сегодня чрезвычайно трудно. А я все-таки предпочитаю театр не на двадцать человек, не в лифте и не в коридоре, а чтобы собралось триста-четырееста и даже тысяча человек.

Я не боец, как Любимов

«Ленкому» сегодня пока везет. Подозреваю, что в какой-то момент начнется кризис. Это естественно, и природе нельзя обмануть. Но сегодня театр пользуется устойчивой репутацией, привлекает зрителя и вызывает некоторое раздражение. Тем более что Юрий Лужков как-то назвал «Ленком» своим любимым театром, что вызвало у меня дополнительные проблемы среди коллег и критиков.

Я часто слышал и читал в прессе о себе: «Замечен в свите». Я действительно был в свите Горбачева вместе с Тенгизом Абуладзе, Василием Быковым: почему-то он взял нас с собой в ООН. Был замечен в «свите» Лужкова. А недавно прочитал в «Известиях», что я ногой легко распахиваю любую чиновничью дверь.

Конечно, я понимаю эти традиции русского разночинства, призывы к топору, определившие наш менталитет, в котором всегда есть место если не хамству, то какой-то постоянной агрессивной конфронтации с властями. В этом смысле традиции Сперанского, Тютчева, Жуковского у нас заглохли. Но поскольку я никогда не ставил себе цели обязательно конфликтовать с властями, то у меня и нет таких бойцовских качеств, как, например, у Юрия Петровича Любимова. Мы просто делали свое дело, отступали, хитрили, боролись с цензурным аппаратом, иногда довольно успешно, иногда с большими трудностями, как это было с Петрушевской или «Юноной» и «Авось». Но все-таки считая, что с властями лучше вести диалог, коль скоро без них не обойтись.

...И шепот Горбачева в мой адрес...

В новую ситуацию мы, «Ленком», вошли радостно. У нас появилась возможность поставить такие спектакли, как «Мудрец», «Поминальная молитва», которые раньше были невозможны. Во мне присутствует некий общественный зуд, о котором я потом сожалею, я стукнутый, пришибленный перестройкой и шепотом Горбачева в мой адрес, в адрес Ульянова и Лаврова: «Боритесь, боритесь, боритесь». Это надолго выбило меня из колеи, и появилась эйфория участия в политике, которая потом у меня закончилась. В чем я честно признался Горбачеву. Иногда только возникает желание что-то выкрикнуть — тут у меня тормоза отказывают. Так же и с этими театрами. У меня появилась такое полемическое раздражение на встрече с мэром этой осенью, когда слышал и то дело: «Дайте денег, дайте денег». Из чисто спортивного азарта я стал говорить обратное. Давайте договоримся, что мы не будем обманывать друг

АЛЬТЕРНАТИВА ОТ МАРКА ЗАХАРОВА:

Признать, что не вся культура государству по карману или глотать димедрол и ждать весны?

Едва ли Марк Захаров и сам ожидал, что его декабрьская статья в «Известиях» «Зачем Москве 200 театров?» приобретет репутацию репрессивной. Руководитель театра «Камерная сцена» Михаил Щепенко назвал ее «крестовым походом по уничтожению лишних театров». Худрук театра «Модернь» Светлана Врагова призналась, что ей просто страшно после этой статьи (и в этом с ней, похоже, солидарны режиссеры многих маленьких театров и студий). А корифей отечественного театроведения Александр Свободин заявил: не комильфо художнику давать советы властям, что делать.

Что же это за советы? Вкратце: глава «Ленкома» призывает честно объявить финансовые возможности правительства в области театральной политики решить, какие театры достойны полного финансирования, а какие «частичного, долевого или символического». Решать это должен экспертный совет людей известных и уважаемых. На очередной встрече из цикла тех, что проводит газета «Культура», Марку Захарову пришлось отвечать на весьма щекотливые вопросы...

друга. Если кому-то из нас удалось встретиться с каким-то властным лицом и высказать какие-то просьбы, то обычно властное лицо обещает помочь. Я не слышал об отказах. Я могу прорваться, скажем, на прием к Черномырдину и сказать: «А давайте я вторую часть «Мюнхгаузена» сделаю. Мне надо четыре миллиона долларов». Он ответит: «Да, хорошая мысль, работайте». Но денег не даст.

Ситуация в стране непредсказуемая и очень тревожная. Разваливается армия, механизм ядерных вооруженных сил (есть даже зловещее предположение, что НАТО и американцы возьмут под контроль наши шахты с ядерными боеголовками, чтобы не начались беспорядочные залуски). Нарастают неплатежи. Может быть, лучше нам договориться о каких-то новых правилах игры и по-зильно оценить ситуацию, в которой мы «запались, когда прежние коммунистическо-неофициальные механизмы не работают. Мы не можем рассчитывать на по-

Я был в одной высокопоставленной клинике, где тихо дают димедрол. Дают и дают, чтобы ты только вышел побystрее за-торможенным. А лечиться лучше все-таки в городской больнице. Я призываю к тому, чтобы мы договорились, на каком мы все-таки свете.

Есть вещи поважнее «Ленкома»

Президент уже что-то сделал, провозгласил некие приоритеты. «Ленком» — это хорошо, но есть вещи поважнее: Большой, Третьяковская, Национальный симфонический оркестр. У меня совершенно четкое ощущение, что на всех денег не хватит. А потом представители власти будут разыгрывать гнев, возмущение, мол, как это не платят?! Оплатить все с будущего квартала или с будущей весны! Ждите. Но на самом деле возможностей для такого финансирования нет, нужно смелее разрабатывать систему частного инвестирования, чтобы спонсор ничего не терял от этого.

Что ждет талантливых и некрасивых

Я осознаю, что беру на себя очень большую ответственность, когда принимаю людей в вуз и говорю: ты можешь быть актером или режиссером. Сегодня критерии набора должны быть ужесточены, хотя престиж профессии и так упал. Красивые девушки идут сегодня в другие места, становятся манекенщицами и фотомоделями, да и молодые люди стали осторожнее. И все же надо ограничить набор, хотя мне трудно что-то предлагать, я сейчас опять ляпну какую-нибудь непопулярную вещь. Мне кажется, что слишком многие сегодня не попадают в театр, и я испытываю большие трудности, когда приходится поступать человек способный, но, скажем, невысокого роста. Я сразу прикидываю, как потом буду этого молодого человека трудоустройства. Или девушку, которая может играть каких-то убогих или старух, а красивую героиню не сыграет.

Есть группа лиц, пусть и засекреченная, которая все решает

Наше дело интересно тем, что его по-полочкам не разложишь, всегда останутся поводы для дискуссии. Вопрос «А судьи кто?» вечен. Что касается экспертного совета, о котором я писал, то он есть, просто он не оформлен. Кто-то принимал решение о работе «Современника», об открытии Таганки, о закрытии областного театра им. Островского... Просто мы их не знаем. Какой-то совет есть де-факто. Иначе в природе не бывает: если есть государственное финансирование, в том числе и театров, значит, есть и группа лиц, пусть и засекреченная, которая все решает. И делать вид, что ее нет, было бы неправильно. Но я предложил, чтобы мы знали, кто эти люди. Пусть они голосуют тайно, что естественно. Если бы мне предложили, я вошел бы в этот совет при условии, что окружение было бы соответствующим, чтобы я не чувствовал себя там инородным телом и не разделял бы ответственность за те решения, которые не одобряю.

Еще Нобель сказал, что в России бизнес невозможен

В заголовке моей статьи действительно есть какой-то публицистический перебор, сейчас это принято. В «МК» тоже часто публикуют разумные вещи, но под такими заголовками, что надо было сразу, не глядя, читать статью. Конечно, надо было как-то поспокойнее.

Когда-то мне Ломброзо (французский критик) сказал, что есть пять театральных центров: Лондон, Токио, Буэнос-Айрес (я не знал, что Буэнос-Айрес можно назвать центром), Нью-Йорк и Москва. В этом городе должно быть много театров. И если наши бизнесмены не будут задавлены так, как Нобель, великий изобретатель взрывчатки, который сказал зловещую фразу еще до революции: в России бизнес невозможен. Если все-таки у нас разовьются коммерческие структуры, то и театров может быть не двести и не триста, а и пятьсот и шестьсот. А сейчас надо принять решение, что, допустим, шестьдесят театров финансируют, но уж это дело чести нашего правительства. (А вот насчет шестидесяти первого уже стоит подумать.) Мы ведь можем бороться с вами через неделю, а их уже будет пятьдесят два.

Записала Ольга ФУКС